

Психологические науки Экспериментальные и теоретические исследования

УДК 616.85

ИСТОЧНИКИ ТРАНСГЕНЕРИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРАВМ

Н.В. Семилет. Севастопольский экономико-гуманитарный институт
Таврического национального университета (Севастополь, Украина),
e-mail: semilet@mail.ru

Резюме. В статье представлена концепция проектирования жизненной перспективы и жизни на основе приобретенных и архетипически заложенных программ-интроектов. Эти образы влияют на выбор личностью стратегии выхода: жить с травмой, утаивая ее; компенсировать негативный опыт социальным статусом, возвышением, материальными ценностями; повторять травмирующие ситуации; вымещать негативный опыт, отыгрываясь на других людях.

Ключевые слова: жизненный путь, варианты жизни, трансгенерация, жизненный сценарий, коллективное бессознательное, архетипы веры, травма

Идея трансгенерирования у последующих поколений чувств, ситуаций, переживаний, испытанных предыдущим поколением, рассматривалась многими исследователями-практиками. З. Фрейд использовал термин «навязчивое воспроизведение» [12, с. 411], который в среде практикующих психологов чаще встречается как «вынужденное повторение травмирующего опыта». А. Шутценбергер вводит понятие «трансгенерационные связи», «передача травм»; Э. Берн – «родительское программирование», «сценарный выбор»; А. Маслюк – «моделирующее влияние трансляций познавших голодомор». Я. Наор в своей работе «Театр Холокоста» подчеркивает, что «дети тех, кто выжил после Холокоста, были переполнены эмоциями, воспоминаниями и переживаниями их родителей» [6, с. 17]. В. Волкан рассматривает процесс передачи травмы из поколения в поколение.

Коллективная травма проявляется в «междуколенной трансгенерации», «эмоциональном разрыве поколений», «протесте»,

«семейной проекции ощущений голода» даже через значительный период времени, что проявляется в украинских семьях, как отмечают зарубежные эксперты, в навязчивой тревоге по поводу одного вопроса: «не голоден ли ребенок, гость?» [4, с. 53].

Постановка проблемы: Рассмотрение проектирования жизненного пути человеком в трансгенерационной перспективе дает возможность увидеть, какой результат может иметь не переосмысленная *проекция пережитого ранее страха* в последующих поколениях, как легко можно манипулировать обществом, которое получило коллективную травму и «носит в себе» интроецированную готовность пережить ее вновь .

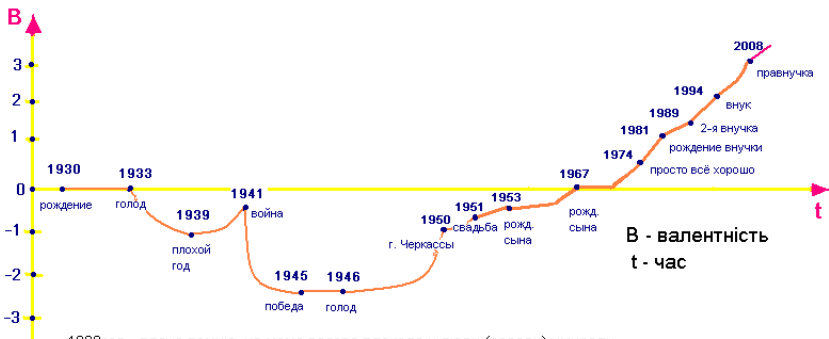
П. Горноста́й выделяет 4 группы факторов, которые определяют тяжесть последствий, нанесенных коллективными травмами:

1) масштаб, сила травматизации – количество людей, которые пострадали, значимость события, авторитет личности (если идет речь о трагичной гибели национального лидера);

2) уровень несправедливости (нарушении справедливости) во время травматизации – очень условная характеристика, определяющая, насколько данное событие нарушает справедливость в воображении людей, невинность погибших людей;

3) невозможность (или неспособность) противостоять травмирующей силе (субъекта) – пассивность жертвы, часто вынужденной;

4) невозможность (или неспособность) эмоционального отреагирования пострадавшими, оставшимися в живых, и их наследниками – отсутствие открытого выражения чувств по поводу трагических событий (или запрет) т.е. опосредованного отреагирования – ритуализации трагических событий, например, создание мемориалов, описания в произведениях искусства, празднование знаменательных годовщин и т.д.» [2, с. 90].

1933год - плохо помню, но мама всегда плакала и люди (соседи) умирали...
 1941 год - война, было очень плохо жить, страшно даже вспоминать...
 1945 год - Победа, это было хорошо, но кругом была разруха и холод, голод, мужчины не вернулись, неизвестность ...
 1946 - обратно голод, но я помню только лучшее (от себя : бабушка даже крошки со стола не выбрасывает, говорит, что помнит как это был её обед и ужин - крошки) страшно...

Рис.1. Линия жизни проектанта 1930 года рождения
(В - привлекательность жизненных периодов, t - время жизни)

Наш личный вклад в эту проблему состоит в том, что мы, используя графическую методику «Линия моей жизни», установили значительное возрастание количества пережитых травм у поколения 90-х (которое выросло без войны, голода и преследований), по сравнению с поколением 30-х годов, которое все эти невзгоды пережило и фрагментарно помнит. В нашей выборке присутствует и «обманутое идеями социального равенства» поколение 60-х. Самые типичные, повторяющиеся линии жизни представляем на рисунках:

«Страх голода вошел в жизнь украинского народа, что привело к травматизации психического и физиологического пространства каждой личности» [4, с. 53-56].

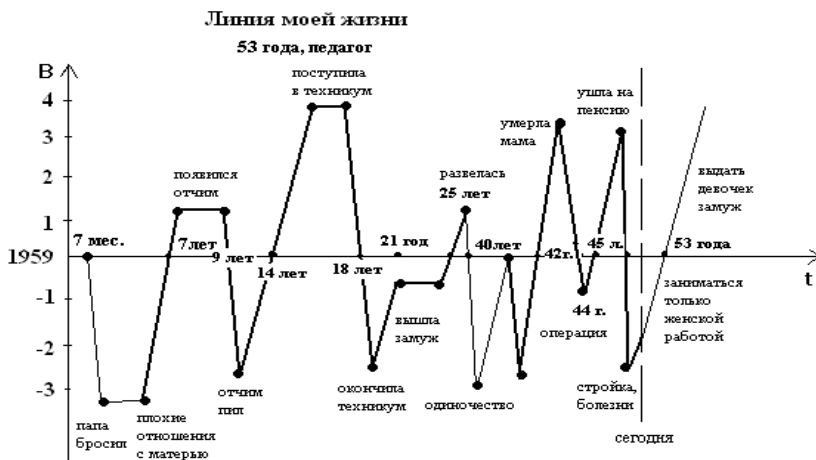

Рис.2. Линия жизни проектанта 1960 года рождения (значительное возрастание травмирующих событий)

Рис. 3. Поектанта жизненного пути 1990 г. рождения

Кроме **графически-семантического метода** исследования жизненного пути человека мы использовали **лично-мифологический подход** как ретроспективный анализ вариантов жизни народных героев, взятый из группового бессознательного, образы жизни из мифов о

«Котигорошко», «Кириле Кожемяке» и др.

Использование **лично-мифологического** подхода дало возможность выйти на глубинный уровень «группового бессознательного украинского народа», которое служит истоком формирования вариантов жизни как отождествления себя с героической личностью народных мифов, сказок. Переживаемые много столетий назад чувства становятся актуальными в ситуации сегодняшнего дня. Проецируемые на созданные, ранее пережитые народом образы чувства это: страх «быть съеденным», желание «отрезать от себя часть бедра и дать грифу» (архетипическая готовность к самопожертвованию), чтобы тот поднял в небо героя Котигорошка (как посттравматическая готовность разорвать традиционные родственные связи – «вырвать с корнями дуб, к которому его привязали братья» и «бросить дерево в родительский дом» (как месть семье за предательство братьев и антисценарный протестный выбор жизненного пути).

Роль женщины в групповом бессознательном украинцев – это зависимость от «змея» (сексуальный мотив) или чудовища, в сказке «Кирило Кожемяка» даже царь должен жертвовать своей любимой дочерью, отдавая ее чудовищу. Современная ситуация с выездом украинок за рубеж, массовая трудовая эмиграция подтверждают архаический сценарный «выбор»-захват, появились новые «Роксоланы»¹, выходящие замуж в Турцию вторыми, третьими женами.

Напомним, что основная идея украинского мифа-сказки про героя-Котигорошка сосредоточена вокруг младшего, седьмого («магический порядок рождения») сына, которого женщина родила, съев зерно гороха (это означает, что его происхождение – от Сеятеля) [11, с. 81]. Он освободил сначала из плена чудовища свою сестру, которая пошла «не за той скибою» (не по той доле) и зашла ко змеиному двору, а за нею – старших братьев, которые потом предали его, привязав к дереву и забрав

---

¹ **«Роксоланы»** (нариц. прозвище) от Хасеки Хюррем Султан (тур. Hürrem Haseki Sultan; лат. Roxolana), настоящее имя неизвестно, в Европе известна как Роксолана. Согласно литературной традиции, имя при рождении Анастасия или Александра Гавриловна Лисовская (ок. 1502 или ок. 1505 - 15 или 18 апреля 1558) – наложница, а затем жена османского султана Сулеймана Великолепного, мать султана Селима II. [Прим. редактора].

завоеванные сокровища и девушку, которую он хотел «освободить от дедка».

Тема предательства как соскальзывания с одной идентификации на другую присутствует в становлении украинского общества с давнего прошлого и до современности. Так, обманутый Катигорошко отступил от семейных обязательств, родовой травмы и был эмоционально захвачен достижениями в других мирах (компенсация). Больше пяти миллионов «катигорошков» борются сейчас за счастливое будущее за границей (миграция), считая этот поступок своим достижением. Напомним, что в конце этот сказочный герой вырывает с корнем дуб (архетип рода), к которому его привязали братья и, оставляя семье завоеванные ценности, идет в другие миры, т.е. разрывает контакт с родовым началом, что может указывать дальнейшее направление движения народного «идеала-героя».

Если у проектантов жизненного пути 30-го года рождения практически все травмирующие психику события повторяются: голодомор 1932/33 годов, война, голод 1947 года, принудительное переселение, и они обусловлены внешними событиями, то у рожденных в «независимой Украине» частота полученных внешних психотравм, которые изображались «потенциальными ямами», спадом привлекательности жизни прямо проецируются (ассоциируются) на социальные институты: «детский сад», «школу», «университет», «выезд мамы за рубеж на работу» и т.д.

При Советском Союзе существовала полярность «свои – чужие», которая позволяла достигать успеха в пределах своей референтной группы. В период распада Союза, после Чернобыльской катастрофы (которая уже не осознается рожденными в 90-х годах), инфляции, «дикой приватизации» всего, что было нажито совместно и т.д. – «чужими» стали «свои», т.к. исчезли ценности, на которых основывалась интеграция.

Изучая жизнь отдельных людей, мы вышли на проблему «коллективной травмы» сотен тысяч судеб уже в послевоенное время. Это было массовое переселение украинцев с западных территорий (их днем собирали Советские войска в школах, церквях с детьми и вещами, оставляли без защиты). Ночью в села приходили другие в «польской форме армии Краевой» и расстреливали. Очевидцы помнят случаи расстрелов жителей прямо на обрабатываемых ими огородах.

Конкретное проявление переселения людей центрального Поднепровья, выражается в том, что тогдашние дети (1950-1960гг.

рождения) «раздвоились», стараясь иметь жилье и в том месте, откуда переселяли как память о счастливом прошлом и там, куда переселили, в настоящее время, отстраивая жилье в двух местах, для подстраховки. По своей сути это есть проявление *проекции*, а точнее социальной *трансгенерации*.

Примерно в то же время принудительно вывозили с Крыма татар, очевидцы помнят, как целое село было не вывезено вовремя, а исполнителями доложено «наверх» что «все вывезены», оставшихся сплавили на барже в Черное море и уничтожили.

Все пережитые коллективные травмы, в которых принимали участие сотни тысяч людей, дают ключ к пониманию межнациональных проблем непонимания между русскими и украинцами и очень дружеских отношений между грузинами и украинцами, крымскими татарами и украинцами.

Политика, которая велась до настоящего времени, была направлена на разделение западных, восточных и южных украинцев для облегченного варианта манипуляций населением. Трудность интеграции украинцев состоит в разном историчеком пути, вере и ментальности.

«Страх принудил украинский народ к мимикрии, которая проявлялась в том, что на украинском в городах стеснялись говорить, или же разговаривали осторожно (как проявление страха обнаружить себя), а «на русском – смело и громко» (как проявление идентификации себя с агрессором-интервентом, демонстрация силы, принадлежности, к «хозяину») [3, с. 53].

Первым фактором поляризации украинского общества, по нашему мнению, является обитание в прошлом западных украинцев в другой культуре и цивилизации, пережитые в этой цивилизации события побуждают к «вынужденному повторению», желанию быть опять в этой более развитой системе взаимоотношений. Отсюда высказывание одного из бывших президентов «вернуться домой, в Европу». Подтверждение полярно противоположных векторов направленности мотивов западных и восточных украинцев проявилось на последних выборах – левобережная Украина большинством голосов выбирала кандидата в президенты, который позиционировал улучшение дружеских отношений с Россией.

Второй фактор связан с верой и с большим доверием женскому образу в сравнении с мужским. Поскольку был травмирующий опыт взаимодействия с мужчинами (днем приходили одни мужчины – советские

солдаты, давали команду собираться в школе, церкви; ночью появлялись другие, расстреливали). Это побуждало к поиску защиты у Девы Марии, Матки Босхи, Защитницы-Оранты (регрессия к материнскому образу). Современным подтверждением доминирования женского архетипного образа является то, что символ Европы и евровалюты (знак «Е»), предложенные мужчинами-банкирами, около Европарламента в г. Брюсселе символично держит женская фигура богини Европы. Страх населения Украины выделяют как черту исследователи: О. Чабан – «свободноблуждающий страх нации», В. Васютинский – «Семь страхов украинца». Нация как новорожденный ребенок «ищет грудь матки». Архетип матери, становится более значимым, чем архетип «гетьмана-пахана», бывшего заключенного.

Лишение лемков, бойков, украинцев из Холмщини имений, земли, скота, вторжения в семьи, своеволие и насилие, расправы над сильными мужчинами-кулаками, уничтожение их как класса и укрывательство этих акций насилия способствовало недоверию западных жителей Украины восточным, и создало определенный защитный след эмоционального напряжения.

Третий фактор – идентификация молодежи с героями национально-освободительного движения, особенно с теми, которые погибли как и многие из их родных. Этот вариант жизни как отождествление себя с погибшими героями, известными личностями все чаще выбирают молодые люди, которые не имели возможности отреагировать, выразить свои чувства и переживания. Молодежь западной Украины до сих пор прячет в карманах портреты С. Бандери и Г. Шухевича, подобно украинскому обычаю «прятания в карманах заряженной пламенем листьев вербы» для большей уверенности в себе (фаллический символ) на праздники Ивана Купала, а сейчас с целью идентификации себя с погибшим героем как преодоление страха смерти.

Четвертый фактор поляризации скрыт в противоречиях архетипных образов группового бессознательного как источника вариантов жизненного пути, постоянных изменениях своего выбранного идеала (соскальзывание, предательство), внутренней родовой борьбе, которая проявляется и в нынешних условиях.

Социальное проигрывание как повторение исторических событий, которые не завершились успехом (посвящение в казаки как продолжение героического периода казачества), «ловли москаля» как отыгрывание

нанесенных коллективных травм сотням тысяч семей Западной Украины, тревога матерей «не голодный ли ребенок», повторение боев под Крутами (в мирное время), где погибли сотни молодых людей, в Англии – желание завершить поход «Титаника» на котором погибли тысячи людей, заменив его таким же кораблем «Баллморал», дает основания утверждать, что не только индивидуальные психотравмы имеют тенденцию к повторению, но и массовые, коллективные травмирующие события (уже в следующих поколениях, а иногда и через несколько поколений). Это явление носит название *социальной трансгенерации*.

Основные положения концепции квантования жизненной перспективы (кроме стратегий выхода из травм: «умалчивание», борьбой за пренебрежительную (над другими) позицию, стратегию исцеления). Проектирование жизненного пути как способность на основе личностного ценностного выбора осознанно и неосознанно формировать собственный жизненный мир, выделять часть времени, энергии, на пространство событий, что связано, в первую очередь, с изменением сферы потребностей человека, возрастными особенностями и, соответственно, образованием специфического семантического поля, что этим потребностям отвечает.

Проектирование жизненной перспективы является возможным лишь при условии воссоздания, отреагирования пережитых событий, что может осуществляться как повторение их в реальной действительности или как отыгрывание в терапевтических условиях (на основе перевода прошлого внутреннего опыта во внешний в семантической, графической и действенной формах), создает условия выхода за пределы травматической замкнутости и повторяемости. Квантование предусматривает наличие возможностей изменения ситуации, а, следовательно, наличие определенного энергетического потенциала, который фиксируется, капсулируется на травмирующих прошлых обидах, объектах. Познать жизненный путь – увидеть ситуацию жизни в целом возможно лишь при рассмотрении пережитых событий несколькими поколениями как целостной структуры – и, главное, из позиций перспектив СВОЕЙ жизни. Коллективная травма служит фоном для индивидуальной. Кризис личность переживает, а травму носит в себе, защищает как ценность. Травматическое сознание образует кванты (энергетические порции) не за ценностными характеристиками, а за бессознательными мотивами ее повторения.

Неотреагированные переживания, которые травмировали психику, оттесняются в отдельную структуру личности («Я- маленькое», «Я подавленное», которое стремится как в сказке-мифе о герое-Котигорошко, к мести, отыгрыванию обиды), являются основой или для объединения (в случае совпадения объектов, что травмируют сообщество) или для ее поляризации. Травма становится образом «идеализированного Я», необходимым критерием выбора героической личности и признаком национальной идентичности.

Социально-психологическими факторами проектирования жизненного пути как вектора интеграции является:

1. Обитание в прошлом западных украинцев в другой культуре и цивилизации (австро-венгерской, польской) или восточных территориях (русской), пережитые в этой цивилизации события побуждают к «вынужденному повторению», желанию быть опять в этой более сильной, развитой системе взаимоотношений, активизируя тенденцию к росту «силы Я» за счет отождествления себя с более влиятельным объектом. Большинство детей из правительственных кругов, ученых уже выехали в Европу или Америку.

2. Развитость или депрессивность территорий, районов обитания респондентов задает вектор движения, интеграции. Выбор жизненного пути зависит от координат нахождения человека (или в центре определенной страны, ближе к ее периферии, или на грани обитания соседних народов – между полюсами-центрами).

3. Уровень травматизации (численность людей, которые испытали травмы, время действия агрессора, его вид).

4. Наличие полярнопротивоположных векторов интеграции приводит к «зависанию» между направлениями движения (разные архетипные образы построения взаимоотношений, символы веры, язык).

Психотравма как обнаженная рана может усиливать чувствительность организма на раздражители, что не только замедляет психологическое время ассоциаций, но и значительно ускоряет, генерализует их (у страха – глаза велики), поэтому наблюдается ускорение темпа жизни, захваченность «сильными, привлекательными», западными образцами и протест по отношению к «своим»-предателям.

Умалчиваемые переживания, эмоциональные состояния трансформируются (передаются с ростом их количества) следующим поколениям, что проявляется в межпоколенных протестных настроениях,

многочисленных миграциях, прерывании психологических контактов (подростковых суицидах). Следующее поколение, которое будучи опекаемым «травмированным» поколением, – преумножает пережитые травмирующие события, поскольку начинает строить свой жизненный выбор «наперекор», через протест, борьбу.

Негативные социально-психологические факторы, при отсутствии централизованных системных профилактических действий, создают иерархическую систему травмирующих влияний, которая задает «семантическое поле» для выбора жизненного пути.

Литература:

1. Берн, Е. Трансакционный анализ и психотерапия: пер. с англ. / Е. Берн. – СПб.: Братство, 1992. – 224 с.
2. Горностай, П.П. Колективна травма та групова ідентичність / П.П. Горностай // Психологічні перспективи: [наук. журн.]. – 2012. – Спеціальний випуск “Актуальні проблеми психології малих, середніх та великих груп”. – Т. 2. Проблема цілісності суспільства, групи та особистості. – С. 89–96.
3. Волкан, В. Жизнь после утраты: Психология горевания / пер. с англ. / В. Волкан, Э. Зинтл. – М.: «Когито-Центр», 2007. – 160 с.
4. Маслюк, А.М. Особливості відображення у свідомості особистості наслідків подій голодоморів. Актуальні проблеми психології: Етнічна психологія. Історична психологія. Психолінгвістика / за ред.. С. Д. Максименка, М. Л. Чепи. / А. М. Маслюк. – Ніжин: видавництво НДУ ім. М. Гоголя, 2010. - Т.9. - частина 5. – С. 52–56.
5. Мясищев, В.Н. Личность и неврозы. / В.Н. Мясищев. – Л. : ЛГУ. – 1960. – 426 с.
6. Наор, Я. Театр голокоста / Я. Наор // Психодрама и современная психотерапия. – 2005 – №4. – С. 14–30.
7. Калина, Н. Ф. Основы юнгианского анализа сноведений. / Н. Ф. Калина, И.Г. Тимошук. – «Рефл-бук», К.: Ваклер, 1997. – 304 с.
8. Келлерман, П.Ф. Психодрама крупным планом: Анализ терапевтических механизмов / Келерман П.Ф. – М.: Независимая фирма «Класс». – 1998. – 240 с.
9. Стюарт, Й. Основы ТА: Транзакційний аналіз: пер. з англ. / Й. Стюарт, В. Джойнс. – К. : ФАДА, ЛДТ, 2002. – 393 с.
10. Шутценбергер, А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и

практическое использование геносоциогаммы. / А. Шутценбергер. – М. : Изд-во института психотерапии, 2005. – 240 с.

11. Українські народні казки: Для мол. та серед. шк. віку / Упоряд. та пред. Л.Ф. Дунаєвської. – 2-ге вид. – К.: Веселка, 1988. – 285 с.

12. Фрейд, З. Лекции по введению в психоанализ. / З. Фрейд. – М., 1992. – 256 с.

13. Чухліб, Т. В. Козаки та яничари: Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 роки / Т. В. Чухліб. – К.: Дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – 446 с.

Semilet, N.V. Istochniki transgenerirovanija kollektivnyh i individual'nyh travm/ N.V. Semilet // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. – 2013. - №4. – S. 82-93.

© Н.В. Семилет, 2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

Подписано в печать 30.12.2013.

© Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2013.

Запрещается перепечатка статей без разрешения редакции.

При использовании материала ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в системе электронного нотариата (www.copytrust.ru) 05.11.2012 г.

Регистрационный номер - 07N-4S-SH.